

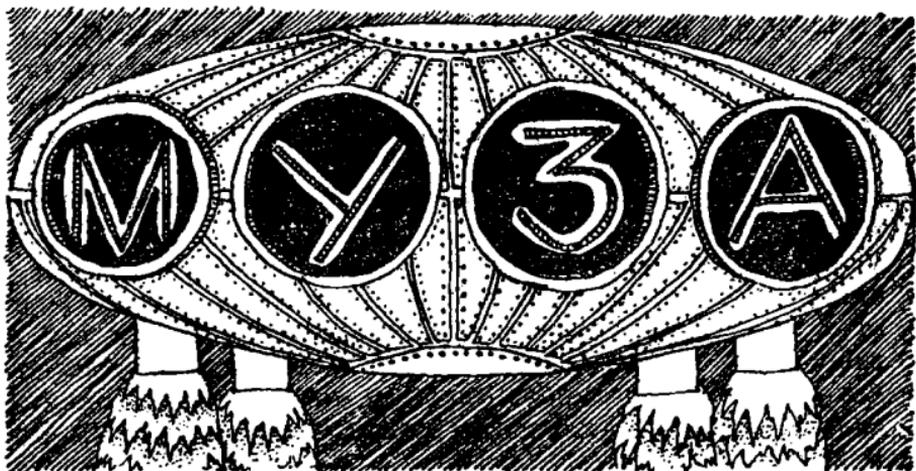
НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Энтони Бёрджесс (1917 г. р.) — известный английский писатель, автор многих романов (в том числе «Заводной апельсин»), рассказов, сценариев фильмов. Он является также исследователем творчества Шекспира.

В рассказе «Муза», написанном в 1968 году, Бёрджесс изображает полет Пэли — литературоведа будущего — в прошлое, в Англию времен королевы Елизаветы I. Однако, как явствует из рассказа, такая Англия существует только в воображении, а не в реальной действительности.

Автор с явной иронией относится к возможности проникновения в тайны творческого процесса. Этот рассказ — своеобразная пародия на жанр научной фантастики.

Энтони Бёрджесс

— Вы абсолютно уверены, — в сотый раз спросил Свенсон, — что вам хочется испытать это до конца?

Его руки касались пятиклавишной инструментальной панели, а ноги попеременно нажимали на педали. Свенсон

был очень стар и после курса химического омоложения лицо его отливало восковым глянцем. Несмотря на столетний жизненный опыт, внешне он почти не отличался от сидящего рядом Пэли, двадцатипятилетнего историка литературы. Пэли усмехнулся и с тем же неослабевающим терпением ответил:

— Да, хочу испытать это до конца.

— Вряд ли вы увидите то, что предполагаете,— сказал Свенсон. (Эту фразу он повторял уже много раз.) — Полной идентичности тут не ждите. Вам грозят потрясения там, где вы их меньше всего ждете. Помню, я летал за Уилером. Ведь вам об этом известно. Бедняга! Думал попасть в четырнадцатый век, который знал по книгам. Но век, куда он попал, был совсем другой четырнадцатый век. Конечно, он нашел там крытые соломой хижины, церкви, замки и все такое прочее, и даже очаровательные соборы. Но всей этой феодальной системой управляли многоголовые чудища, со щупальцами в придачу. Они говорили на изысканном норманском наречии — так он рассказывал.

— Сколько он там пробыл?

— Он посылал сигналы в течение трех дней. Но пришлось ему, бедолаге, прожить год, пока мы смогли вызволить его оттуда. Он сидел в тюрьме. Слыхали, небось? Его среднеанглийский или что-то еще внушило им подозрения, и они посадили его в тюрьму. Он был совсем седой и нес какую-то околесицу, когда мы подняли его на борт корабля. Его тюремщики представляли собой нечто вроде трехногой эктоплазмы.

— Но это случилось не в системе Б-303 или все-таки в ней?

— Ясно, нет! — раздражительность, с которой Свенсон произнес эти слова, выдавала в нем старого человека. — Это произошло два года назад. А два года назад система Б-303 наслаждалась сомнительными благами раннеелизаветинского правления. Впрочем, как и сейчас.

— Простите. Глупо с моей стороны задавать такие вопросы.

— Вы, молодые люди,— сказал Свенсон, переходя к стеллажу с экранами мониторов,— слишком много ждете от Времени. Вы думаете, что историческое Время так же гибко, как прочие разновидности Времени, вы надеетесь, что раз можно управлять микро- и макропотоками Времени, значит, можно делать то же самое и с историческим Временем...

— Простите, виноват, я не подумал...

Стоило ли удивляться, что Пэли, чья голова была забита совсем другими мыслями, должен был на время отключиться от скучной реальности обычного времени, солнечного времени?

— Вот в чем беда с вами, молодежью... А! Красиво переключилось! — удовлетворенно воскликнул Свенсон.

С той мягкостью, с какой язык скользит от одной фонематической площадки к другой, временной ход превратился в пространственный. Преодолеть неисчислимые мегамили между Землей и системой Б-303 их кораблю было столь же просто, как перемахнуть туда и обратно через Атлантический океан. И теперь, чтобы достичь этой другой Земли, столь головокружительно далекой, которая была точно такой же, как их собственная, но на более ранней стадии их собственной земной истории, — субстанция *vedtum* столкнула их словно бы из одного сна в другой, в мир, где тоже существуют твердые тела, столь же чужие, сколь и знакомые, ибо они подчинялись искривленным законам космоса. Свенсон, воспитанный на взаимозаменяемости времени и пространства, тем не менее никогда не переставал удивляться обыденному до зевоты чуду случайного превращения последовательности во времени — *nacheinander* в *nebeneinander* — одновременность. (Безусловно, старые немецкие слова лучше всего отражают сущность этого процесса.) Пока что на экранах мониторов не было изображения, но лента уже начинала выматываться из кристаллической кориньонной машины в самом сердце башни управления — холодная, точная информация о Солнечной системе, куда они теперь входили. Свенсон читал ленту, покачивая головой с нордической элегантностью человека, лоснящегося химической юностью. Вытянувшись у переборки, Пэли рассматривал его и завидовал его высокому росту, его мускулистому, крепкому телу. Но, думал он, Свенсону никогда не сыграть роли человека другой, менее заботливой эпохи, а он, Пэли, маленький и смуглый, как те далекие силурийцы на заре британской истории, мог прокрасться в елизаветинскую Англию, к которой они быстро приближались, и никто его не принял бы там за чужака.

— Поразительно, как незначительны варианты, — сказал Свенсон, — как конечен космос, как он постыдно не способен к обновлению форм.

— Ну что вы! — улыбнулся Пэли.

— Когда думаешь, чего только не выделявали старинные композиторы всего с двенадцатью нотами...

— Человеческий разум, — сказал Пэли, — движется лишь по прямой. Космос же искривлен.

Свенсон отвернулся от вздымающейся груды информационной ленты и, увидев, что пятиклавишная панель мигает, посверкивает мягко и весело, перешел к инструментальной панели, чьи рычаги требовали скорее мускульных усилий кузнеца, нежели искусства органиста.

— Держитесь правой стороны! — сказал он. — 15.8. Теперь мы имеем дело с тяготением.

Он резко потянул на себя. На экране монитора замелькали яркие полосы света.

— Да, по-моему, сейчас...— он с силой крутанул пару корректирующих дисков на панели, находящейся над рычагами на уровне плеча.

— Теперь,— продолжал он,— начинается свободное падение.

— Верно! — сказал Пэли.— Нас понемногу притягивает.

— Именно! — заметил Свенсон и добавил: — А вы абсолютно уверены, что вам хочется испытать все это до конца?

— Вы сами не хуже меня знаете,— улыбнулся Пэли, преисполненный терпеливости,— что я *должен* пройти через все. Ради науки. Ради моей репутации.

— Репутации! — буркнул Свенсон. Затем, глядя на мониторы, сказал: — А! Что-то к нам приближается!

Туман, клубящееся облако, твердое тело, ныряющее в этой каше из дыма и тумана. Пэли подошел ближе, чтобы его разглядеть.

— Это Земля! — удивленно воскликнул он.

— Это *их* Земля!

— Точно такая, как наша. Я вижу Америку, Африку...

— Очертания чуть-чуть иные, поглядите, там, внизу, южная оконечность...

— Мадагаскар, вроде бы, немного меньше...

— Опять нашло облако.— Пэли не мог оторвать взгляда. Это было невероятное зрелище.

— Вы лучше подумайте о том,— снисходительно сказал Свенсон,— какое множество не поддающихся расчету систем мы миновали в космосе, пока не определилась модель нашего мира, снова воспроизводящая самое себя! Вам это кажется удивительным, потому что вы даже не можете себе представить, что существуют мириады мириад иных миров, совершенно не похожих на наши.

— А как же звезды? — спросил Пэли, которого внезапно осенила странная мысль.— Я думаю вот о чем: те, из своего Лондона, видят точно такие же звезды, как наши, или другие?

Свенсон пожал плечами.

— Грубо говоря, почти такие. Приблизительное сходство имеется. Но,— продолжал он,— ничего определенного мы не знаем. Ведь ваш полет — это только десятый или одиннадцатый раз, а если выразиться точнее — вы *первые* летите в Англию системы Б-303. В конце концов, это всего лишь прошлое. Для чего лететь в прошлое, когда можно проникнуть в будущее? — Его ноздри удовлетворенно раздулись: — Скажем, в систему Г-9. Я летал туда несколько раз. Так вот, там, на Рострон-плейс, я увидел совершенно отчетливо мемориальную табличку: «Памяти Г. Ф. Свенсона. 1963—2084».

— Мы обязаны проверять историю,— пробормотал Пэли. Его собственная цель показалась ему ничтожной: вся эта техника, вся эта уйма знаний, поставленная на службу жалких исследований.— Я должен узнать, действительно ли написал Уильям Шекспир все эти пьесы.

Свенсон, как и ожидал Пэли, опять хмыкнул.

— Премиленькие вещички собрались вы выяснить,— сказал он.— В этом году исполняется ровно пятьсот лет, как он умер, а вы собираетесь доказать, что людям нечего праздновать. Я не хочу сказать,— добавил он,— что меня лично это как-то затрагивает. У меня никогда не хватало времени на поэзию. А!..

Он просунул свою голову между экраном и головой Пэли, пристально вглядываясь. Страницы атласа перевернулись. Теперь одна Европа плыла им навстречу.

— Я должен выбрать самый точный курс,— сказал Свенсон.

Он работал с дисками, хмурясь, но одновременно что-то радостно мыча, затем склонился над Пэли со словами:

— Не пора ли вам подготовиться?

Пэли покраснел: ведь он почти в полном ничегонеделании прочесал огромный кусок космоса, а теперь должен был собираться впопыхах. Он снял с себя костюм космонавта и вытащил из ящика свое маскарадное одеяние елизаветинской эпохи: блузу, панталоны, гульфик, камзол, французскую шляпу с перьями, тупоносые башмаки — одеяние из синтетической материи, точно воспроизводящей старинную ткань ручной работы. Затем он вынул сумку с двойным дном: внутри был спрятан миниатюрный приемопередатчик. Конечно, он вряд ли помог бы Пэли, окажись тот в затруднительном положении; Свенсон прилетит за ним (на это был строгий приказ) через год. Передатчик должен был показывать, где он находится, и то, что он находится именно там, гость прошлого, в некотором роде безбилетник, «заяц». А Свенсону полагалось лететь дальше — за профессором Шимминсом на ФХ-78, за доктором Гуаном Мо Чаном на планету Г-210, а потом на обратном пути прихватить Пэли. Пэли проверил приемопередатчик, осмотрел явное, не потаенное содержание сумки: главную его часть составляло собрание сочинений Уильяма Шекспира — хотя и не ранние его пьесы, а только шесть, то есть те, которые в этой Англии системы Б-303, года от рождества Христова одна тысяча пятьсот девяносто пятого, еще не были написаны. Пьесы эти были скопированы с факсимиле первого издания аккуратным елизаветинским почерком. Бумага также довольно-таки прилично имитировала грубую шероховатую бумагу, на которой писали драматурги елизаветинской поры. Что до остального, то там лежали, упакованные в маленькие мешочки порошкообразные профилактические средства и, наконец, самое

главное — золото: энджелы * — новехонькие, только что вычеканенные, затейливые портаги ** и талеры ***.

— Ну-с! — объявил Свенсон, охваченный легким приступом возбуждения. — Мы прибываем в Англию!

Пэли жадно взглянул вниз, на знакомые очертания рек: Тис, Хамбер, Темзу. Он жадно глотнул воздуха, быстро повторяя про себя зазубренное.

— Счет на приземлении! — сказал Свенсон. Синтетический голос на левом борту корабля невозмутимо принялся отсчитывать секунды, начиная с трехсот.

— Я, пожалуй, попрощаюсь, — глухо сказал Пэли, открывая люк на палубу космического корабля, который вел в миниатюрный реактивный самолет, рассчитанный самое большее на одного человека.

— Вы должны приземлиться в устье Темзы, — сказал Свенсон. — До свиданья, а не прощайте (это он сказал по-французски). Надеюсь, вы докажете что-то там такое, что вам хочется доказать.

200—199—198. Пэли уселся в кресло пилота, проверил несложные приборы управления. Ожидание было подобно целому столетию. Он криво усмехнулся, глядя на себя — эдакого елизаветинца, положившего руки на руль миниатюрного реактивного самолета XXI века. 60—59—58. Он повторил елизаветинские гласные, еще раз мысленно пробежал свою фиктивную метрику: молодой человек из Нориджа, желающий проникнуть в театральные круги («Видите ли, я написал пьесу и весьма недурственную!»). Синтетический голос, гулко звучащий здесь, в маленькой кабине, досчитал до конца: 4—3—2—1.

Старт. Пэли стартовал из брюха корабля-матки, внезапно совершенно успокоенный, а затем пришедший в радостное возбуждение. Светила луна, зеленая сельская местность спала глубоким сном. В лунном свете серебрилась река. Курс корабля Пэли был заранее задан Свенсоном. В его распоряжении было ограниченное управление, но он мягко сел на воду. Прежде всего ему нужно было выбраться на берег. Маленький моторчик негромко урчал, пока Пэли вырубивал в лунном свете. Река была широка в этом месте, и Пэли казалось, что он находится в мире, где кроме воды и неба больше ничего нет. Берег приближался — весь в густых зарослях кустарника, деревьев и осоки. Никаких признаков жилья не было, а на воде не видно было никакого другого судна. Что бы подумали на этом судне, окажись оно сейчас рядом, при виде его, Пэли? Впрочем, он ничего не боялся: с убранными крыльями, ма-

* Энджел — золотая монета, имевшая хождение в Англии в 1470—1634 гг.

** Портага — португальская золотая монета, имевшая хождение в XVI в.

*** Талер — серебряная монета, впервые отчеканенная в 1518 г. в Чехии. Использовался в качестве денежной единицы во многих странах.

ленький гидросамолет издали походил на некую неприглядную шлюпку — так превосходно был он замаскирован. А теперь, для полной безопасности, Пэли спрячет его в осоке, укроет травой и листьями, но сперва, прежде чем выбраться на берег, он переключит реле времени, поставив уже на суше металлический фюзеляж под высокое напряжение, которое убьет каждого, кто захочет пробраться на корабль. Жаль, конечно, но ничего не поделаты! Реле автоматически отключится через год, через двенадцать месяцев, день в день. А за это время сколько мифов, рассказов и безумных слухов возникнет вокруг любознательного исследователя, случайно нашедшего самолет, в которые не поверит искушенный Лондон.

А вот и Лондон, куда он прилетел.

Пэли, направлявшемуся на свою ночную прогулку вверх по реке, идти было довольно легко. Луна освещала межевые тропинки и приступки у изгородей. Раскинутые там и сям фермы спали. Раз ему показалось, что он слышит отдаленный свист. Потом как будто бы пробили часы на городской башне. Он не представлял себе ни месяца, ни дня недели, ни времени суток, но предполагал, что сейчас поздняя весна и что-то около трех часов до рассвета. Год, как утверждал Свенсон, был именно 1595-й. Время функционировало здесь точно так же, как на настоящей Земле. Два года тому назад Свенсон возил одного человека в Московию, где время считали по христианскому летосчислению и год был тогда 1593-й. Пэли, совершая свою прогулку, нашел, что на здешнем воздухе гораздо легче дышится, но из-за необычного расположения звезд ему то и дело становилось не по себе. На небе сияло созвездие Кассиопеи, похожее на подвыпившее W — первую букву имени Шекспира, но были и такие созвездия, которых Пэли прежде никогда не видел. Могли ли звезды, как верили сами елизаветинцы, воздействовать на историю? Мог ли этот елизаветинский Лондон, потому что он видел над собою звезды, неведомые подлинной Земле, быть идентичным тому, который мы знаем только по книгам? Что ж, он, Пэли, скоро это выяснит.

Лондон — серое каменное чудовище — набросился на него не сразу. Он подступал к нему вкрадчиво и мягко: сначала дома, построенные в полях и среди деревьев, потом загородные виллы знати, не знающие городской пыли, и затем, словно онемевшая труба глашатая в свете ущербной луны, — Тауэр. За ним — сбившиеся в кучу спящие дома. Пэли вдыхал воздух этого летнего Лондона и воздух этот ему не нравился. Пахло пыльной ветошью, салом и нечистотами, но неслись также запахи, известные ему с того времени, когда он летал над Борнео, неуверенно углубляясь в далекие районы джунглей. Да, здесь,

действительно, пахло джунглями. И словно бы в подтверждение этого вдали раздался вой. Но это выла собака. Собаки, лучшие друзья человека,— даже здесь, в ином физическом пространстве; собаки, которые перелаиваются в непостижимой космической пустоте. Потом раздался человеческий голос, чьи-то башмаки застучали по булыжной мостовой. «Четыре утра! И утро отличное!» Пэли инстинктивно отпрянул в узкий проход и прижался всем телом к влажной стене. Ему было рано себя обнаруживать. Он мысленно воспроизвел крик звонаря — гласные у того были ближе к американским, чем к современным английским, он произносил так: «утрау атличное». Теперь, зная, который час и машинально ощутив остановившиеся ручные часы, которых уже при нем не было, он подумал, что же ему делать до наступления дня. Гостиницы с круглосуточно дежурившими клерками здесь отсутствовали. Он подергал себя за темную бородку — результат трехмесячного выращивания, — и решил, что чем скорее начнет свой научный поиск, тем лучше, и потому отправился в Шоредитч, где находился Театр. Если верить истории, то за городской чертой, в месте, недостижимом для городского совета, ненавидившего театральные представления, расположено было новое, прекрасное здание Театра. Нетерпеливый зуд ученого поскорей увидеть Театр овладел Пэли и заставил его позабыть о холодном утреннем ветре, только что поднявшемся. Он хорошо знал современный земной Лондон, но на этих улицах ориентировался плохо. Он направился в северо-западную часть города — к Майнориз, Хаундс-дитч, Бишопсгейту — и по дороге его дважды чуть не стошнило от зловония, идущего от стока. Вокруг царил густой, тошнотворный смрад, и Пэли решил, что он, должно быть, исходит от Флит-дитч. Он залез в свою сумку, вытащил из нее щепотку порошка и высыпал на язык, чтобы унять рвотные позывы.

Стояла гробовая тишина, как говорится, ни одна мышь не шевелилась, а он все шел и шел, пока наконец в серебристом свете плывущего облака перед ним не возник Театр, и нечто вроде разочарования овладело им. Это было шаткое деревянное строение, обнесенное деревянным забором, с косматой соломенной кровлей. Да, предметы всегда оказываются меньшего размера, чем ожидаешь их увидеть, и они всегда выглядят буднично. Можно ли войти вовнутрь? — подумал Пэли. Ночного сторожа вроде бы не было. Прежде чем подойти к входу (он скорее напоминал дворь в уборную, чем вход в храм Муз), Пэли оглядел всю эту освещенную луной сцену — убогие дома, булыжную мостовую, зеленые деревья, казавшиеся такими удивительными и неожиданными здесь. И вдруг он заметил первые живые существа.

Ни одна мышь не шевелилась — так он думал. Но эти

создания с длинными хвостами были обыкновенными крысами. Три из них что-то грызли, сидя на куче мусора неподалеку от прохода к Театру. Он осторожно приблизился — крысы сразу же бросились наутек, он явственно различал каждый волосок их усов в лунном свете. Да, это были крысы, самые что ни на есть земные крысы, хотя он только один раз видел их в университетской лаборатории, — животные с маленькими бусинками-глазами и толстыми мясистыми хвостами. И вдруг он различил то, что они грызли. Это было человеческое предплечье, извлеченное из груды мусора. Нельзя сказать, чтобы Пэли был совсем не подготовлен увидеть такое. Он рисовал в своем воображении головы изменников, выставленные на Темпбар; тела их, вынесенные волнами Темзы и гниющие там; руки и ноги, отрубленные на Тайберне (там, где в наши дни стоит Мраморная Арка) и раскиданные на поживу птицам, питающимся падалью. (Коршунам, конечно же, коршунам, которые, очевидно, сейчас сидят в гнездах.) Желудок его успокоился от приема лекарства и он невозмутимо обследовал обглоданную руку. Все мясо крысы еще не сожрали: их пиршество было прервано в самом начале. На запястье однако болтался клочок какой-то мягкой ткани, который заставил Пэли нахмуриться — это было что-то анатомически знакомое, но никак не вяжущееся с нормальной человеческой рукой. Ему показалось, только на секунду, что этот лоскут похож на глазную впадину, откуда само глазное яблоко уже вынуто, а мягкое ложе осталось, но полностью опустошенное. Пэли с улыбкой отбросил эти фантазии. Он отвернулся от руки — жалкого человеческого останка — и устремился прямо ко входу в Театр. К его удивлению, дверь была не заперта. Она заскрипела, когда он отворил ее, как бы радушно приглашая его войти в этот странно знакомый мир 1595 года. И вот он, Театр — утрамбованный глиняный пол для зрителей, стоящих в партере, боковые ложи, выступающая вперед сцена без занавеса, галереи, башня с флагштоком. Пэли дышал глубоко, преисполненный благоговения. Да, это был он, Театр! И вдруг:

— Эй, откуда ты взялся?

Сердце у Пэли чуть не выпрыгнуло изо рта, подобно плохо пригнанному ряду искусственных зубов. Он повернулся, чтобы встретиться с первым елизаветинцем. Слава Богу, тот выглядел вполне нормально, хотя был грязен. Обут он был в башмаки грубой работы, плотно обтягивающие болотного цвета штаны и замызганную куртку. Он немного шатался, словно был пьян, и когда подошел ближе, чтобы разглядеть Пэли, того обдало резким пивным запахом. Глаза подошедшего человека глядели тускло, он сопел и втягивал носом воздух, словно пытался определить по запаху, кто такой Пэли. Пьяный, в глазах все

двоится, подумал Пэли с отвращением, и еще так уверенно обнюхивает!

— Я джентльмен из Нориджа,— сказал Пэли, тщательно произнося каждый звук,— только что приехал. Отойти-ка немного в сторону, приятель! Тебе, что, невдомек, что перед тобой дворянин?

— Не знаю я, кто ты такой и зачем явился сюда в глухую ночь!

Но он все же отошел. Пэли зарделся от этой маленькой победы, победы человека, который, к примеру, изучал дома русский язык, а затем, впервые приехав в Москву, понял, что его отлично понимают. Он сказал:

— Ты? Ты? Ты мне не тыкай, приятель! Я хочу поговорить с министром Бербедем.

— Который это Бербедж? Молодой или старый?

— Все равно. Я написал пьесы и желаю теперь показать их.

Сторож — очевидно, это он самый и был — снова обнюхал Пэли.

— Может, вы и джентльмен, только пахнете вы не как добрый христианин. И время явиться сюда вы тоже выбрали не христианское.

— Но я уже говорил, что только что приехал.

— Отчего же не видно ни вашей лошади, ни плаща?

— Они... я их оставил на постоялом дворе.

— А еще говорите, что недавно приехали,— пробормотал сторож.— Пойдемте.

Он хмыкнул и тотчас же протянул правую руку в направлении Пэли, как бы призывая на него благословение.

— Знаю я, что это такое,— он еще раз хмыкнул,— знаю я все эти шашни. Верно, возился с какой-нибудь потаскухой или с чьей-нибудь женой, а она тебя под утро возьми да и выстави...

Пэли плохо улавливал, что он бормочет.

— Тебе ведь нужна постель?

Наконец Пэли догадался, куда он клонит, а заодно понял, почему тот протягивал руку и шевелил пальцами. Золото. Он залез в сумку и вытащил энджел. Когда сторож взял монету в руки, у него отвисла челюсть.

— Сэр,— сказал он, дотрагиваясь рукой до шляпы.

— Сказать по правде,— произнес Пэли,— я не попал на постоялый двор, вернулся из гостей слишком поздно, барабанил в дверь, да так и не добудился хозяина.

— Ясно,— протянул сторож и прижал палец к кончику носа — обычный земной жест, поскреб щеку золотой монетой и потом, прежде чем спрятать в маленький мешочек у пояса, несколько раз перебросил ее из одной руки в другую.

— Пойдемте со мной, сэр.

Он шел быстро, хотя и вперевалку, Пэли следовал за ним, пульс его учащенно бился.

— Куда мы идем? — спросил он, но не получил ответа.

Луна почти что закатилась, небо посветлело — летний день постепенно пробуждался. Пэли стало вдруг холодно и зябко. И зачем он не захватил с собой плащ, а решил приобрести его здесь! Как он будет рад, если то место, куда его ведут, окажется постелью! Поспать бы часок-другой под теплым одеялом, пусть даже с блохами! На улицах не было никакого движения, хотя Пэли казалось, что он слышит вдали кошачий концерт — это неистовое, исходящее болью ухаживание, а затем еще более неистовое совокупление — точно такое, как на реальной Земле. Пэли шел за сторожем по узкой улочке возле Бишопсгейта, мрачной и вонючей. Действие лекарства прошло. Он чувствовал, что его глотка вновь содрогается от спазм. Но вонь, как определил его нос, уже отличалась от той, что была раньше. Он почти одурел от этой вони, и ему казалось, будто что-то бродит и разлагается на первоэлементы, каждый из которых стремится действовать сам по себе. Все это было ему вовсе не по душе. Глядя на бледнеющие звезды, он преисполнился уверенности, что они тоже частично переменили свое расположение, образуя новые созвездия с такой же быстротой, с какой движется песок в песочнице, если ее поставить на клавиши рояля и отчаянно колотить по ним.

— Пришли! — обронил сторож, подойдя к какой-то двери и постучав в нее. — Красотки на подбор! — подмигнул он. Но это подмигиванье натолкнулось лишь на пустоту. Он постучал еще раз, а Пэли сказал:

— Да ладно! Сейчас уже поздно, а может быть, слишком рано вытаскивать людей из постели.

Неподалеку кукарекнул молодой петушок, отрывисто — эдакий петух-подмастерье.

— Не одна, так другая!.. Такое уж у них занятие, верно?

Прежде чем он постучал еще раз, дверь отворилась. На пороге стояла сердитая, заспанная женщина. На ней была грязная ночная рубашка, и из ее выреза выглядывало нечто, похожее на цветок фиолетового аронника. Женщина раздраженно сунула это нечто назад, в вырез рубашки. Перед ними стояла старая женщина елизаветинского времени, лет тридцати восьми, седая.

— Ну? — крикнула она.

— Да тут одному приспичило, говорит, что джентльмен.

Он вынул из мешочка энджел и поднял его. Она приподняла свечу выше, чтобы лучше рассмотреть. Лиловатый аронник выглянул вновь. Вся рассиявшись, женщина сделала Пэли реверанс. Пэли сказал:

— Я хочу только переночевать, мадам.

Эти двое рассмеялись при слове «мадам».

— Я совершил долгое и утомительное путешествие из Нориджа,— добавил Пэли.

Женщина еще глубже, еще насмешливей присела, а затем отрывисто проквакала:

— Переночуете, и не на соломенном тюфяке или голых досках. В Норидже, видать, живут без горечи! Для джентльмена оттуда постель будет первый сорт!

Сторож ухмыльнулся. Он был слеп, теперь Пэли был в этом уверен. Большой палец его правой руки явно подмигнул Пэли. Дверь за ним захлопнулась, а Пэли с мадам остались в смрадном коридоре.

— Пошли, пошли,— сказала она и первая стала подниматься по скрипучим ступенькам. Тени, отбрасываемые ее свечой, бледнели на глазах — серый свет заполнял мир с востока. По стенам вдоль лестницы висели картины в рамах. Одна из них являлась резьбой по дереву, довольно грубо исполненной. На ней был изображен мученик, повешенный на дереве, а под ним — пылающий огонь. Из улыбающегося рта вились вырезанные на дереве слова: «И все-таки я утверждаю, что Моградон дарует жизнь». На другой картине был король в короне, с державой, скипетром и третьим глазом во лбу.

— Какой это король? — спросил Пэли.

Женщина обернулась и посмотрела на него с явным удивлением.

— Ничего-то вы не знаете там, в своем Норидже,— сказала она.— Да пребудет Господь с вами и да сохранит он вас!

Пэли больше ни о чем не спрашивал. Он подавил удивление, когда они прошли мимо следующей картины. «Кв. Гораций Флакк» — значилось на ней, а изображен был бородатый араб. В самом деле, разве это не был Аверроэс? *

Мадам громко постучала в дверь на верхней площадке лестницы.

— Бесс, Бесс! — позвала она.— Здесь золото, девочка! И чистенький да симпатичный мужчина в придачу.

Она с улыбкой обернулась к Пэли и добавила:

— Она сейчас выйдет, ей надо принарядиться, как невесте.

Из выреза ее ночной рубашки снова выглянул цветок, и Пэли показалось, что он увидел подмигивающий глаз, который прятался в цветочной головке. Его затрясло от страха, но страха особенного, страха не перед неизвестным, а скорее уж перед давно известным. Его гидросамолет был надежно укрыт, неуязвим; здешний мир не мог кос-

* Аверроэс (1126—1198) — знаменитый арабский философ и врач.

нуться его. Но вполне вероятно, что мир этот тоже в некотором отношении неуязвим, потому что создан иначе, чем Земля. Внутренний голос, казалось, говорил Пэли со всей пронзительной ясностью: «Нельзя безнаказанно вторгаться...» Но тут дверь отворилась и вышла девушка, которую звали Бесс. Она улыбалась профессиональной улыбкой. Мадам, тоже улыбаясь, сказала:

— Вот, пожалуйста, чем не ломтик баранинки, польешь соусом — пальчики оближешь!

Она протянула руку за деньгами. Пэли смущенно запустил свою руку в сумку и вынул полную пригоршню звенящих, тускло поблескивающих монет. Он положил ей монету на ладонь, но она ждала, что он добавит. Он дал ей еще одну, и еще. Она как будто осталась довольна, но Пэли чувствовал, что она удовлетворена на время.

— У нас есть вино,— сказала она,— принести?

Пэли поблагодарил: спасибо, не надо. Седые волосы на ее голове вздыбились. Она присела в реверансе.

Пэли пошел за Бесс в спальню, но теперь он был на чеку. Потолок над ними бился, как пульс.

— Поросеночек,— проквакала Бесс, стягивая с плеч накидку — свой единственный туалет. Ее груди качнулись, соски нежно взглянули на него. Как он и ожидал, они оказались глазами. Он кивнул головой почти с удовлетворением. Конечно, чтобы отправляться теперь в постель, не могло быть и речи.

— Симпампушечка,— пробулькала Бесс, и глаза на ее груди округлились, длинные ресницы кокетливо вскинулись и опустились. Пэли крепко прижал к себе сумку, стиснул ее. Если это искажение — а похоже, насколько он мог судить, что оно должно нарастать все сильнее и сильнее,— если это расползание показателей чувств служило постоянным барьером против вторжения извне, то почему об этом на Земле ничего не знают? Другие путешественники в сферы времени отважно продвигались вперед и спокойно возвращались назад, полные вполне разумных сведений. Постойте, однако: а были они там? Откуда это известно? Это ведь Свенсон упоминал об Уилере, брошенном в средневековую тюрьму обрубками трехногой эктоплазмы. «Он был совсем седой и нес какую-то околесицу, когда мы подняли его на борт»,— так рассказывал Свенсон. А как же быть с табличкой, где обозначены даты жизни Свенсона? Ее-то он видел собственными глазами. Или будущее не препятствует проникновению в него из прошлого? Но (тут Пэли встряхнул головой, словно пьяный, пытающийся привести себя в чувство) вопрос не о прошлом или будущем, вопрос о существовании иных миров в *настоящее время*. Нынешнее прошлое было завершено и нынешнее будущее тоже было завершено. Может быть, табличка в Брайтоне, на Рострон-плейс, указывающая, что Свенсон умрет через

двадцать лет, была не что иное, как иллюзия, уловка времени, скорее радующая, чем пугающая, и тем не менее обескураживающая всякого, кто решится нарушить нормальный временной порядок?

— У меня времени в обрез,— вдруг сказал Пэли, позабыв об елизаветинских гласных и пуская в ход расхожие фонемы двадцать первого века.— Я дам тебе золота, если ты приведешь меня к дому мистера Шекспира.

— Мейстера?..

— Шейкспейра,— поправился Пэли.

Бесс, у которой вдруг стали расти уши, уставилась на Пэли. На стене за ее спиной увеличивались в размерах батальные эпизоды, смонтированные кое-как.

— Ты ведь не из таких? Ты любишь женщин. Я вижу это по твоему лицу.

— Мне нужно его видеть. По делу. Скорее. Он живет, кажется, в Бишопсгейте.

Можно выяснить хоть что-нибудь до того, как эпистемологические враги завладеют им? А что дальше? Постараться выжить. Отсидеться с год с помощью сигналов в каком-нибудь укромном местечке. Просигналить Свенсону, получить от него успокаивающий ответ. Возможно — кто знает — услышать из далекого временного пространства, что его заберут домой до окончания установленного срока, получить указания с Земли, новые установки...

— Ты знаешь человека, которого я имею в виду? — спросил Пэли.— Мейстера Шейкспейра, актера из Театра?

— Ага, ага! — голос быстро грубел. Пэли сказал себе: я сам должен воспринимать вещи такими, какими мне угодно; у этой девушки нет глаз на груди, и рот, образующийся у нее под подбородком, только мерещится мне.

Взятые таким образом под контроль галлюцинации ослабли и отступили на время. Но сила их была еще велика. Бесс натянула простое платье прямо на голое тело, вынула из шкафа поношенный плащ.

— Деи мей день,— сказала она. Пэли сумасшедшим усилием воли выправил фразу.

— Дай мне денег,— повторила она.

Он протянул ей портагу.

Они на цыпочках спустились вниз. Пэли пытался рассмотреть картины на стенах, но не было времени заставить их говорить правду. Ступеньки взяли его врасплох: превратились в эскалатор двадцать первого века. Усилием воли он снова обратил их в шаткую старую лестницу. Бесс, он был уверен, очевидно, обернется неким чудищем, способным превратить его сердце в камень, если только он зазевается. Быстрей. Превозмогая себя, он удерживал на небе брезжущий день. Людей на улице было мало. Он боялся смотреть на них.

— Далеко? — спросил он.

Где-то близко кричали петухи, их было много, крепких, горластых петухов.

— Недалеко.

Но ничто не могло быть далеко одно от другого в этом нелепом, перевернутом вверх дном Лондоне. Пэли изо всех сил старался не потерять рассудок. Пот капал со лба и одна капля упала на сумку, которую он прижимал к себе, словно у него болел живот. Он исследовал влагу, пока шел, часто спотыкаясь о бульжную мостовую. Капля соленой воды из его пор. Принадлежала она к этому чужому миру или же к его собственному? Если б он обрзал свои волосы и бросил их на землю, если б опорожнил кишечник в тот вонючий сток, откуда только что возникла трехголовая женщина, неужели этот Лондон системы Б-303 отторг бы их, подобно тому, как человеческий организм отторгает пересаженную почку? А может быть, он оказался в мире, где царят другие физические законы и где есть повелевающее этим миром божество, которое можно сокрушить лишь в союзе с Дьяволом? Может быть, это были особые клубные правила божества этой системы, которые он, Пэли, нарушил, и более глубокая, хотя и шаткая необходимость тут ни при чем? Как бы там ни было, он напрягся, и елизаветинский Лондон покачнулся в своем серебряном рассвете, но устоял. Напряжение, однако, было чудовищно.

— Пришли, сэр,— Бесс остановилась перед обшарпанной дверью, которая своим видом предупреждала Пэли, что она растворится, превратится в воду и потечет по бульжнику, если он не заставит ее сохранить твердую форму.

— Денег,— сказала Бесс. Но Пэли уже дал ей достаточно. Он сердито поглядел на нее и покачал головой. Она подняла кулак, который тут же превратился в лицо бородатого человека, угрожающе подмигивающего. Пэли замахнулся на нее. Она с хныканьем бросилась бежать, а он сжал руку в кулак и постучал в дверь. На его стук долго не отвечали. Он же размышлял о том, надолго ли его хватит. Сколько еще времени сможет он удерживать этот расплзающийся мир? Что будет, если он заснет? Может, все растворится и он очнется, стонущий, в холодном пространстве?

— Эй, там, чего надо? — спросил деформированный безобразный человек с рядом ярко сверкающих глаз, рассыпанных на груди, которая явственно проглядывала из сорочки, лишенной пуговиц. Нет, это не был, это не мог быть Уильям Шекспир. Пэли заговорил, удивляясь своей способности произносить звуки с такой тщательностью:

— Мне угодно повидать мастера Шейкспёйра.

Его грубо взяли за плечи и показали, куда надо стучать. Итак, наконец, заветная дверь! Сердце его отчаянно

забилось. Он постучал. Дверь была крепкая, дубовая, не грозящая разжижением.

— Кто там? — произнес кто-то звонким, приятным голосом, без всякого признака утренней хрипоты. Пэли набрал в легкие воздуха, открыл дверь и вошел. Потом, растерянный, стал озираться. Он находился в спальне, на постели в беспорядке валялось белье, в углу стоял стол с разбросанными по нему бумагами, кресло; сквозь плотно прикрытое окно в комнату едва проникал утренний свет. Он повернулся к бумагам, стал читать верхний листок («...его отправьте, а не то весь ад взвоет от его капризов...»), полагая, что рядом, вероятно, имеется другая комната, откуда доносился тот голос. Но затем он услышал его за спиной:

— Читать частные бумаги джентльмена без его разрешения? Какой срам!

Пэли обернулся и увидел танцующую в воздухе репродукцию портрета Шекспира работы Дрошаута*, квадратного, в раме, с двигающимися губами, но безжизненными глазами. Он пытался говорить, но не смог. Говорящий портрет подвинулся к нему.

— Это что — грубость, невоспитанность? А может, ты соглядатай Тайного Совета королевы?

Но тут стороны рамы стали пучиться, вырезанные словно из дерева черты лица растворились, и круг из черных линий и плоскостей попытался превратиться в твердое тело. Пэли ничего не мог поделать; он был в таком оцепенении, что даже не закрыл глаза. Твердое тело, наконец, приняло форму некоего животного, неопределимо толстого и безобразного — какого-то остроконечного морского ежа, огромного, кивающего и улыбающегося с пугающей прозорливостью. Пэли старался придать ему более человеческую форму. Он чувствовал резкий упадок сил, но несколько не боялся стоящего перед ним воображаемого существа по имени Уильям Шекспир, актера, играющего роль. Почему он не мог вступить в контакт с кантовской «вещью в себе»? Беда заключалась в том, что эту «вещь в себе» ее наблюдатель мог обратить в любой феномен, навязанный категориями времени-пространства-чувств. Он набрался смелости и спросил:

— Какие пьесы вы уже написали?

Шекспир, казалось, был удивлен:

— Кто этим интересуется?

— Вы едва ли поверите тому, что я сейчас скажу, — ответил Пэли. — Я прилетел из другого мира, который знает и почитает имя Шекспира. Я верю, что был или что есть актер по имени Уильям Шекспир. А вот, что тот Шекспир

* Дрошаут Мартин — автор известного портрета Шекспира, написанного через семь лет после смерти писателя.

писал пьесы, которые ему приписывают, этому я не поверю.

— Так,— сказал Шекспир, явно намереваясь растечься и превратиться в шар из жира, плохо слепленный и имеющий лишь отдаленное сходство с портретом,— допустим, мы оба в это не верим. Впрочем, что касается меня, то я готов поверить чему угодно. Вы можете быть привидением из другого мира, как вы говорите. Право же, вы должны были раствориться, едва прокричал петух.

— Возможно, времени у меня столь же мало, как и у привидения. На какие пьесы вы претендуете, как автор? Что действительно написано вами к настоящему времени?

Пэли говорил на современном английском языке. Хотя фигура перед ним перемещалась и обмякала, стремясь вылиться в другие формы, глаза менялись мало, пронизательные умные глаза современного человека.

— Какие пьесы я написал? *«Гелиогабал»*, *«Как напугать сводника»*, *«Печальное правление Гарольда Первого и Последнего»*, *«Дьявол в Далвиче»*... О, еще много, много других.

— О, прошу вас,— Пэли был расстроен. Это была истина или насмешка? Истина или насмешка именно этого человека, или все это измыслил собственный ум Пэли, который, отчаявшись управлять показаниями чувств, заставлял их приобретать смысл?

Кипа бумаг на столе.

— Покажите мне...— начал он.— Покажите мне что-нибудь,— повторил он уже настойчиво.

— А вы представьте мне ваши полномочия,— сказал Шекспир,— если уж речь зашла о том, чтобы что-то показывать. Впрочем, нет,— он весело надвинулся на Пэли,— я посмотрю сам.

Теперь глаза ярко блестели, но в них посверкивали причудливые зловещие крапинки.

— Смазливый мальчик,— сказал Шекспир.— Не такой хорошенький, правда, как некоторые, особенно, тот, один, но должен признать, вполне, вполне годящийся для того, чтоб с ним немножко порезвиться утречком, прежде чем наступит жара.

— Нет! — пятась, сказал Пэли, находя в этих словах какую-то странную фривольность.— Нет, нет! Не трогайте меня!

Надвигающаяся фигура сделалась ужасающе безобразной, вся раздулась, глаза переместились на тыльную сторону вытянутых рук. На лице вырос слоновый хобот, извиляющийся, живой; несколько присосков на его конце вслепую тянулись к Пэли. Пэли бросил свою сумку, чтоб удобнее было драться. Слова чудовища звучали невнятно, они превратились в какое-то хрюканье и шамканье. Отброшенный в угол рядом со столом, Пэли увидел лист бумаги с

множеством помарок и вычеркиваний («Никогда не вычеркивал ни строчки»,— вспомнил он то, что говорилось о Шекспире):

Я все раздумывал, как мне сравнить
Темницу, где живу я, с целым миром;
Но так как в целом мире...

Ученый все еще присутствовал в нем, пытливый ум был ясен, в то время как тело боролось за то, чтобы держать в отдалении эти огромные ручища с десятью пальцами на каждой. И ученый закричал:

— «Ричард II!» Вы пишете «Ричарда II!» *

Ему, этому Клоду Бернару ** от литературы, показалось, что он должен рискнуть всем, что у него есть, чтобы передать через Свенсона информацию о том, что «Ричард II» писался Шекспиром в 1595 году. Он опустился на пол, схватил сумку и начал стучать через подкладку по ключу передатчика. Шекспир был как будто удивлен, что сопротивление столь внезапно прекратилось. Он водил своими граблеобразными руками, но ухватывал только одну пустоту. Пэли, ослепший от пота, застилающего глаза, тяжело дыша, выстукивал: «Р. 2, У. Ш». Вдруг дверь отворилась.

— Я слышал шум,— это произнес деформированный, уродливый человек с глазами на обнаженной груди, еще более безобразный от того, что облик его постоянно менялся. Перемены эти происходили толчками, словно под воздействием молчаливых невидимых молотков.— Он, что, напал на вас?

— Не из-за денег, Томкин, у него своего золота предостаточно. Гляди.

Из сумки, брошенной в спешке на пол, вывалились золотые монеты. Пэли не заметил, когда это произошло; он должен был передать золото своему...

— А, золото! — существо, которого звали Томкин, жадно уставилось на пол.— У других, что приезжали, золота при себе не было...

— Забирай и золото и его,— небрежно бросил Шекспир.— Делай с ними что хочешь.

Студенистая масса Томкина двинулась к Пэли. Тот завопил, слабо защищаясь рукой, в которой находилась сумка. Клешня Томкина легко выхватила ее.

— Внутри, кажись, имеется еще кое-что,— пробубнил Томкин.

— Разве я не распорядился, что тебе делать? — спросил Шекспир.

— А здесь какие-то бумаги!

* Выше были приведены строки из «Ричарда II» Шекспира (акт V, сц. V. Перевод Александры Курошевой). По-английски они даны в несколько искаженном виде.

** Клод Бернар (1813—1878) — французский физиолог и патолог.

— Ах, бумаги! — Шекспир взял их. — Проводи-ка его к королевскому маршалу. В стане нашем чужестранец. Он несет всякий вздор, точь-в-точь как немец, приехавший до него. Какую-то чепуху! Другими словами, ведет себя как сумасшедший. Маршал знает, что делать в таких случаях.

— Позвольте! — закричал Пэли, сжатый мощными лопатами рук. — Я джентльмен! Из Нориджа. Я пишу пьесы, как вы. Поглядите, вы держите в руках то, что я написал.

— Сначала привидение, потом джентльмен из Нориджа, — улыбнулся Шекспир, повисая в воздухе и снова превращаясь в свой портрет, только портрет, на сей раз держащий бумаги. — Сами посудите. Неужели нет других миров, похожих на наш, и неужели колдовство не может заставить людей прекратить визиты сюда, к нам! Я слышал о подобных историях. Был один немец...

— Это правда, правда, уверяю вас! — Пэли ухватился за этот довод, цепляясь ногтями за дверь спальни, в то время как Томкин вытаскивал его наружу. — Вы умнейший человек своего времени! Вы в состоянии вообразить себе это!

— И поэтов, которые еще не родились, да? Такие имена, например, как Дрейтен или что-то в этом роде, или лорд Теннисболз, далее — пьяница из Уэлляса и П. С. Элиот? * Довольно. О вас позаботятся, как о том, другом.

— Но это правда, правда!

— Проваливай! — зарычал Томкин. — Ты, верно, и в самом деле из Бедлама.

И он вытолкнул Пэли из комнаты, обессиленного, бредящего. Пэли бормотал:

— Вас не существует в действительности! Ни одного из вас! Это вы — привидения, а *реален я*, произошла ошибка, отпустите меня... я вам все сейчас объясню...

— Странное он несет, — прорычал Томкин и вышвырнул Пэли вон.

— Закрой дверь, — сказал Шекспир.

Томкин толкнул ее ногой. Дверь захлопнулась. Крик Пэли раздавался уже глуше, отдаваясь в наружном коридоре. Теперь можно было спокойно сесть и подумать.

Да, думал Шекспир, это хорошие пьесы. Странно, что одна из них написана, насколько он мог судить, об еврее-ростовщике. Этот тип из Нориджа, конечно, читал Марло ** и заметил драматургические возможности такого отрицательного характера, как Лопес. Шекспир сам носился с идеей подобной пьесы. И вот она перед ним, готовенькая. Здесь была также пара завлекательных историй о короле Генрихе IV ***. И потом комедия под названием «Мно-

* Имена искажены. В действительности это Драйден, Теннисон, Бернс и Т. С. Элиот.

** Кристофер Марло (1564—1593) — английский драматург, автор «Мальтийского еврея».

*** Написаны в 1597 г.

го шума из ничего» *. Вот это подарок! Поистине, дар божий! Он улыбнулся. Вспомнил того немца, доктора Шлейера, так, кажется, его звали, который приезжал сюда и рассказывал что-то похожее на бред этого сумасшедшего. (Но разве могут сумасшедшие сочинять такое: «Безумный, и влюбленный, и поэт» ** — прекрасная строка в той пьесе о феях, которую привез Шлейер. Бедняга-немец, умер от чумы!) Пьесы, которые он привез, были отличные, но все-таки, вероятно, уступают этим.

Шекспир украдкой (хотя он и был один) перекрестился. Когда поэты говорят о Музе, они, возможно, имеют в виду таких визитеров, как этот, что теперь едва слышно стонет на улице, или же немца Шлейера, или того, другого, который клялся под пыткой, что он родом из Виргинии, из Америки, и что в Америке у них университеты не только не хуже Оксфордского, или Лейденского, или Виттенбергского, а может, даже и лучше? Ну ладно, кто бы они ни были, их встречали сердечно, поскольку они привозили пьесы. Тот «Ричард II» Шлейера нуждался в переделке, чем он, Шекспир, и был в настоящее время занят, но зато более ранние работы — от «Генриха VI»*** и далее — пользовались огромной популярностью.

Он взял верхний лист из новой пачки и, теребя каштановую с проседью бородку, уставил на него свой красивый серый глаз. Вдохнул и, прежде чем смять листок своего собственного сочинения, лежавший на столе, прочел его. Нехорошо! Нескладно! Слишком много таинственности. Герцог Инджинио говорит:

Запомните, что, как в морской пучине
Любая тварь себе подобье знает,
Так и в мирах надлунных наши жизни
Имеют близнецов и двойников,
У тех — свои, и нету им числа,
И даже звезды двойников имеют...****

Слишком фантастично, толку от этого — никакого! Он бросил листок в мусорную корзину, которую Томкин потом опорожнит. Взял совершенно чистый лист и вывел:

Венецианский купец.

Он продолжал переписывать набело, не вычеркивая ни строчки.

Перевела с английского
Наталья Ив. Толстая

* Написана в 1598 г.

** Строка из «Сна в летнюю ночь» (акт V, сц. I, перевод Маргариты Тумповской). Пьеса написана в 1595 г.

*** Написан в 1590 г.

**** Перевод Геннадия Шмакова.